

Бер Котлерман

(Бар-Иланский университет, Рамат-Ган, Израиль)

Профессор, Отделение литературы народа Израиля, Бар-Иланский университет (Израиль)

E-mail: Ber.Kotlerman@biu.ac.il

ID ORCID: 0000-0001-7007-9330

«Кто видел шакалов на развалинах нашей горы, тот еще увидит, как там будут строить»: Дер Нистер о еврейском «национальном доме» после Холокоста

Аннотация: Статья посвящена публицистике Дер Нистера в последние годы его жизни, вплоть до ареста в феврале 1949 г. Она начинается с предыстории создания и анализа небольшого очерка «Ненависть», опубликованного летом 1944 г. в газете на идише «Эйникайт», органе Еврейского антифашистского комитета. Этот очерк был написан по следам глубоко взволновавшей писателя встречи в Москве с еврейским партизаном-подростком из волынского местечка, чудом пережившим Холокост. Свой трагический настрой Дер Нистер выразил при помощи цитат из канонических текстов, связанных с традиционным днем скорби по разрушенному Иерусалимскому Храму (9 Ава). Вместе с тем, очерк пронизан надеждой на еврейское национальное возрождение, в котором писатель призывает своих читателей принять активное участие. Непременным условием этого возрождения должно было стать создание «национального дома», что находит свое развитие в ряде более поздних очерков Дер Нистера.

Ключевые слова: Дер Нистер, советская литература на идише, Холокост, Еврейский антифашистский комитет, Иерусалимский Храм, Биробиджан, территориализм, сионизм

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.4

В конце 1943 г. еврейский писатель Дер Нистер (Пинхас Каганович, 1884–1950) покинул Ташкент, куда попал после эвакуации из Харькова и короткого пребывания в Тбилиси и Самарканде, и поселился в Москве, где прожил вплоть до своего ареста в феврале 1949 г. В этот относительно недолгий московский период, продолжая работу над эпохальным романом «Семья Машбер», он написал ряд публицистических произведений, которые для

удобства мы назовем очерками. Первый такой очерк под заголовком «Ненависть» был опубликован в июне 1944 г. в газете на идише «Эйникайт», органе Еврейского антифашистского комитета [Nister 1944], по следам встречи Дер Нистера с еврейским подростком-партизаном, чудом выжившим во время уничтожения еврейского населения Волыни. Почти сорок лет спустя, в начале 1980-х гг., дневник этого подростка был частично опубликован в Израиле, включая упоминание о Дер Нистере. Среди прочего, в дневнике отмечено, что беседа с юным еврейским партизаном ободрила павшего духом писателя, больного и глубоко подавленного смертью дочери в блокадном Ленинграде¹. Судя по всему, она обусловила и некий идейный стержень в его публицистике в последние годы его жизни, речь о чем и пойдет в этой статье.

Примерно в то же время, что и дневник, в Москве вышли в свет мемуары командира Черниговско-Волынского партизанского соединения генерала Алексея Федорова² «Последняя зима», где рассказывается о еврейском мальчишке-связном в контексте разоблачения в феврале 1944 г. полицейской убийцы Ивана Лукьянюка³:

Лукьянюк вскоре явился. Высокий темноволосый детина лет двадцати восьми. <...> Был у бандеровцев простым солдатом, убедился, что все у них ложь и обман, вот и перешел к партизанам... Нравится ли у нас? Да, очень нравится! Ничего лишнего Лукьянюк не сболтнул, как я ни расспрашивал...

Не прошло после ухода Лукьянюка и десяти минут, как в дверь заглянул мой ординарец и сообщил с таинственным видом:

– Сеня просится до вас, хочет вести разговор!

– Какой еще Сеня?

– Галицкий Семен, связной из отряда имени Котовского...

– А что ему надо?

– Не говорит! Но только сам весь трясется.

Вошедшего затем подростка и в самом деле пробирала мелкая дрожь. Лицо было бледным, глаза блуждали.

¹ О душевном состоянии Дер Нистера свидетельствует его письмо поэту Григорию Петникову весной 1943 г.: «Не вините меня, не требуйте ответа. Я не в состоянии никому ничего написать. У меня горе. Я потерял самое дорогое в жизни: мою дочь» [Нистер 1943]. Об Аде (Годл) Каганович (1913–1942) см. [Shmeruk 1980, 241 (f. 51)].

² О партизанском соединении Федорова (1901–1989) см. [Armstrong, DeWitt 1964, 114–116].

³ Иван Лукьянюк (1916–1944) был в 1941 г. мобилизован в Красную армию, дезертировал и поступил на службу к немцам. Окончил школу полевой жандармерии в Ковеле, был «инструктором», отвечающим за массовые расстрелы, преимущественно евреев. С мая 1943 г. – командир сотни в Украинской повстанческой армии. В феврале 1944 г. был заслан в партизанское соединение Федорова, разоблачен и повешен. См. [Wagner 2013, passim].

– Товарищ генерал! Вы знаете, кто у вас сейчас был? Это же немецкий жандарм, вешатель, каратель! Он полициями командовал, когда они в Ратном всех подряд убивали... Он моих папочку и мамочку расстрелял...

– Не обознался ли ты, Сеня?

– Как можно обознаться, товарищ генерал, когда я на чердаке прятался и все видел! На всю жизнь его запомнил... Есть еще евреи в цивилильном лагере, которые этого злодея никогда не забудут... [Федоров 1981, 119]

Разоблаченный Лукьянюк был повешен по решению военно-полевого суда во главе с Федоровым. Казнь Лукьянюка зафиксировал на пленку кинооператор-документалист Михаил Глидер, который тоже оставил воспоминания об этом эпизоде:

Партизаны встретили приговор аплодисментами. Предателя подвели к дереву, на которое уже была заброшена веревка с петлей на конце. Партизаны молчали, только Семен плакал: не по предателю, конечно, а по тем, кого предатель убил. И не было в тот день партизана, который бы не сказал Семену ласкового слова [Глидер 1946, 112].

Почти сразу по выходе в свет вышеупомянутых мемуаров Федорова, Киевская киностудия им. Довженко взялась за их экранизацию. Результатом стал трехсерийный партизанский «боевик» «В лесах под Ковелем» (1984, реж. Юрий Тупицкий), сиквел экранизации той же киностудией более ранней книги партизанского генерала «Подпольный обком действует» (1978, реж. Анатолий Буковский). В этом фильме эпизодически фигурирует черноглазый мальчик-связной по имени Сашка, в котором узнаются черты Семена Галицкого. Как и можно было ожидать, тема украинского коллаборационизма здесь предельно затушевана, а суд над Лукьянюком довольно топорно заменен судом над струсившим партизаном, что делает неуместным непосредственное участие в казни еврейского мальчика.

У оставшейся за кадром советского фильма драмы было любопытное продолжение. Семена Галицкого партизаны на самом деле знали как Семку Олицкого, однако его настоящее имя было Шлоймке (Шломо) Перельмутер. После казни Лукьянюка документалист Глидер вернулся в Москву, захватив с собой и шестнадцатилетнего Семку-Шлоймке. Глидер устроил его в престижный интернат в Горках Ленинских, однако надолго мальчик там не задержался. Согласно его собственным воспоминаниям, которые сохранились в архиве Центра изучения Холокоста им. Мордехая Анелевича в кибуце Гиват-Хавива в Израиле и были опубликованы в журнале этого центра «Ялкуп морешет» [Perlmutter 1982], в первый же выходной он отправился погулять по Москве и приобрел три книжки на идише – Фефера, Маркиша и Бергельсона. Книжки сразу прояснили ситуацию с национальностью «сына полка» с Западной Украины, и ночью интернатовские однокашники устроили ему тем-

ную. Избитый мальчик наутро сбежал в Москву. Незадолго до того он участвовал во встрече общественности с командирами крупных партизанских соединений – Сидором Ковпаком, Петром Вершигорой, Владимиром Дружининым и др. Поднявшись на сцену вместе с Федоровым, он поведал публике не о подвигах партизан, а «о судьбе еврейских детей» [Perlmutter 1982, 9]. Растроганные москвичи кинулись к мальчику с расспросами, оставляли адреса и телефоны, приглашали в гости. Среди публики оказался Илья Эренбург, чей адрес теперь и пригодился беглецу. Он поехал в гостиницу «Москва», где Эренбург тепло его принял, накормил и передал художественному руководителю московского Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) Соломону Михоэлсу, который направил подростка в училище при театре. В 1946 г. Перельмутер сумел уехать в Польшу, позже участвовал в Войне за независимость Израиля, потом окончил отделение библеистики Еврейского университета в Иерусалиме, был секретарем поэта Якова Фихмана, преподавал историю в школе⁴ и умер в 1997 году в возрасте 70 лет в Гиват-Шмуэле.

Любопытная запись в дневнике Шлоймке Перельмутера на иврите (который он хорошо знал по довоенной учебе в ивритоязычной школе) от 31 мая 1944 г. рассказывает о том, как он посетил Дер Нистера в театральном общежитии на Малой Бронной 4, прямо во дворе ГОСЕТа:

Вечером я побывал в гостях у писателя Дер Нистера. Его имя Пиня Каганович, но здесь все называют его так. Он приглашал меня, и вот я наконец у него. Он живет в комнате при еврейском театре «Госет». Комната маленькая и тесная – кровать, стол и старый шкаф. Так живет большой писатель, автор «Семьи Машбер». Я полюбил его с того самого момента, как мы познакомились. Выражение его лица как у Переца – глубокие черные глаза под густыми бровями. Он весь – скромность, мудрость и доброта. Говорит тихо-тихо. Все время спрашивал меня о том, что я пережил и как я чувствую себя в Москве, как ко мне относятся и не нужно ли мне чего. Он, наверное, услышал об избитии в интернате и хотел узнать, почему на меня напали. Я почувствовал, что перед ним можно открыться. Я ему сказал, что все еще не нахожу себе места и покоя и не знаю, смогу ли вообще это когда-нибудь найти, но пока что нашел тут хорошую еврейскую семью. Дер Нистер понял, что у меня есть всякие мечты, которые я собираюсь реализовать. Он попросил заходить к нему, и я пообещал. Мой побег из интерната, кажется, «разжег» не только мои «тлеющие угли», но и как-то повлиял на Дер Нистера!?. [Perlmutter 1982, 18].

В тот день они говорили не только о еврейских жертвах нацизма. Шлоймке рассказал Дер Нистеру о своей учебе в школе «Тарбут» в Ковеле, о приходе советской власти в 1939 г. О том, как он с друзьями поклялся продолжать изучать иврит. О попытке сбежать в независимую тогда еще

⁴ См.: Видеоинтервью со Шломо Перельмутером.

Литву (мама не пустила) и о том, как его семью по доносу чуть не выслали в Сибирь (тогда все бы спаслись!). О погроме в его родном местечке Ратное в июле 1941 г. за день до прихода немцев. О расстрелянных родителях и погибших братишках. О своем знаменитом прадедушке, именем которого был назван – рабби Шлойме-Ароне Олицком, прямом потомке основателя карлинской хасидской династии. О том, как попал к партизанам, как бил палкой Лукьянюка, как собственноручно, с молитвой "шеехьяну", надел ему петлю на шею и как плакал после казни, вспоминая невинно убиенных. Рассказал он и о заветной мечте поскорее попасть в Землю Израиля⁵.

Встреча с чудом выжившим в Холокосте польско-еврейским пареньком послужила Дер Нистеру «триггером» для своеобразного программного заявления. Примерно через месяц, 29 июня 1944 г., Шлоймке сделал следующую запись:

Сегодня большой сюрприз... Дер Нистер напечатал в газете «Эйникайт» очерк под названием «Ненависть», в котором он рассказывает обо мне и дает несколько... хороших советов. В школе меня все поздравляли... Я перечитывал раз за разом этот очерк, и каждый раз был снова взволнован... Мой дорогой Дер Нистер, огромное спасибо за твои благословения-пророчества! Я сделаю все, чтобы ты увидел меня среди строителей нашего дорогого прошлого... Я полон надежд [Perlmutter 1982, 19–21].

Какие же «благословения-пророчества» содержатся в очерке Дер Нистера, и каких «строителей нашего дорогого прошлого» упоминает в своем дневнике Шлоймке?

Как уже говорилось, посвященный Шлоймке очерк Дер Нистер назвал «Ненависть» [Nister 1944]. Публикация очерка через несколько дней после годовщины нападения гитлеровской Германии на СССР наводит на мысль о перекличке с широко известным рассказом Михаила Шолохова «Наука ненависти», опубликованном в «Правде» ровно двумя годами ранее [Шолохов 1942]⁶. Герой этого произведения, потомственный рабочий-сибиряк, бывший военнопленный и партизан Виктор Герасимов (чьим прототипом, как выяснилось, послужил политрук медицинской роты с, видимо, менее подходящим, по мнению Шолохова, именем Зиновий Фердман [Кузнецова 2005, 182]), говорит по-простецки:

На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... а вот у нас они

⁵ О том, что Дер Нистер знал о планах Шлоймке, см. примечание Иосифа Керлера в статье [Belenki 1992, 209].

⁶ Кажется, первым, кто использовал слово «ненависть» в качестве заголовка советской передовицы времен войны, был Илья Эренбург. См. [Эренбург 1942]. Дер Нистер напрямую упоминает его в своем очерке.

впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ.

Подразумевая то же острое чувство ненависти к врагу, Дер Нистер решает поговорить о любви к своему народу, отточенной на «оселке» Холокоста. Приведем здесь в русском переводе этот небольшой, но насыщенный текст полностью (перевод мой. – Б.К.):

...Передо мной сидит Шлоймке Олицкий, паренек лет шестнадцати, в папаше с красной ленточкой – отличительный знак партизана, со всеми трогательными повадками и ужимками ребенка, до времени оторванного от родителей, от школьной скамьи и брошенного в водоворот таких событий, в которых лишь чудом его голова осталась на плечах.

Все нервы в нем играют; он чересчур подвижен, не сидится ему, а рот его полон рассказами о все новых эпизодах, которые ему пришлось пережить за свой юношеский век.

Он рассказывает, как у него на глазах вырезали целое местечко евреев, среди которых был и его отец... Когда он вспоминает это слово, его губы сжимаются, будто целуют дорогого сердцу покойника; неспетой песней застревают в его горле святое для него слово «отец»... Тот, видимо, все стоит перед его глазами, и он еще часто ощущает себя ребенком того, к кому хочется притулиться, как к живому.

Он рассказывает, как спасся вместе с девятилетним братишкой. Как он с ним обошел вдоль и поперек весь вражеский тыл, как они жили и что выдержали вместе, пока не расстались.

Когда заходит речь о братишке, он, Шлоймке, резко обрывает... Наверняка тот погиб.

Тут он бросает на меня взгляд, полный как муки и печального опыта, так и юношеской задиристости, и говорит:

– А что, вы меня старше? А вот и нет, я старше вас! Один мой день как у кого другого три года. Вот и посчитайте: почти тысяча сто дней войны, которую я хлебнул с самого первого дня, помноженные на три года... Ну разве я не старше Мафусаила?

– Да, дорогой Шлоймке, ты старше, старше его, и, конечно же, старше меня, моей седой головы, многих седых голов, поскольку на твою долю, на твое поколение и на твои юные плечи выпало пережить такое, что никакой Иеремия и никакой другой свидетель многочисленных катастроф нашего многострадального народа не в силах оплакать.

Но... давай утешимся, Шлоймке. Ты же учил: кто видел шакалов на развалинах нашей горы, тот еще увидит, как там будут строить. Ты сам – утешение: один из тысячи, как ты, спасся, двое из десяти тысяч – чтобы рассказать грядущим поколениям, что народ нельзя убить.

Это великое призвание доказать, что ты и многие такие, как ты, где бы они ни были, на фронте ли, где проходили открытые бои, в тылу ли у врага, стоят много, когда судьба готовит им такое призвание. Ты и многие такие, как ты, доказали это делами. Вы доказали прежде всего, что можно ненавидеть врага так, как могут ненавидеть только те, кто никогда не отступит перед несправедливостью, даже если им отдают в руки их собственные головы...

Вот эта ненависть нашла выражение в слове у такого, как, например, наш Эренбург, который без устали вот уже три года подряд, день за днем, будит пророческий гнев, раскаленный, прожигающий до костей.

Эта ненависть нашла выражение в мировой прессе, в которой участвуют наши братья, помогающие этой ненависти распространиться, углубиться и направиться против того, кто обесчестил мир зверствами и убийствами.

Еще больше нашла эта ненависть выражение среди непосредственных участников борьбы с врагом, борьбы всех наших братьев, которые ведут ее с мужеством и упорством, с кровью и самопожертвованием на всех фронтах, где идут сейчас бои, и особенно здесь, у нас, где все народы демонстрируют невозможное для человека – на удивление всего мира и на страх и мучения врага.

Да, это доказало все твоё поколение, все наши поколения, начиная с генералов и заканчивая простыми воинами, которые в таких количествах прославились и были отмечены за свой героизм, что их уже и не пересчитать. Начиная, заметим, с опытных генералов и до такого, снова заметим, как ты, Шлоймке, который к своим тринадцати отнятым годам уже взял в свои слабые детские руки ружье и вышел на защиту народной чести, которую убийца хотел смешать с землей...

Так давай же утешимся, Шлоймке-Мафусаил, и давай немножко пофантазируем – не просто так, а на почве нашей действительности, которая в последнее время часто перехлестывает фантазию (я вспоминаю: вот только что мы отступили до Волги, а сейчас – мы у Прута, вот только что враг был у ворот Александрии, а сейчас, после долгого отступления через все африканское побережье Средиземного моря, через Сицилию, он уже вот-вот отдаст всю Италию – блестящие победы, наши и наших союзников, и поражение того, кто этого сполна заслужил...)

Так давай же, говорю я, пофантазируем.

И будет в тот день – тут хочется использовать торжественные слова пророка – и настанет тот день, когда царство зла отринет и когда могилы борцов за всеобщее счастье зарастут травой – святое живое напоминание об их пролитой крови; вот тогда, когда ты, Шлоймке, ты – исстрадавшийся сын народа, уже забудешь твои мафусаиловы годы и снова станешь молодым, когда ты понемногу-понемногу забудешь отца, о котором ты сейчас тут говоришь, и даже твоего несчастного потерявшегося братишку, о котором ты не говоришь, не можешь говорить, не хочешь говорить, ибо это твоя незаживающая рана... Когда и это у тебя заживет, вот тогда (мы очень на это надеемся и этой надеждой мы живы) мы увидим тебя среди строителей и восстановителей тех развалин на

нашей горе, где раньше, совсем недавно, бродили шакалы; мы увидим тебя носящим глину и кирпичи для народного здания, которым мы будем гордиться, как все гордятся всеми восстановленными зданиями... Мы, старые, седые головы, будем насколько возможно помогать и прилагать руку к этому строительству, и если для непосредственной работы у нас уже не останется сил, мы будем стоять, смотреть, и наши губы будут благословлять:

И будет в тот день, день избавления, мира на земле, понимания между народами и т.д. [Nister 1944]

«Ты же учил», – обращается писатель к своему юному собеседнику, намекая на полученное им в довоенной Польше еврейское образование, которого лишили еврейских детей в СССР. Что же должны были понять те, кто, как Шлоймке, что-то учили?

Они, конечно же, не могли не заметить, что вся семантика очерка – вокруг скорби по разрушенному Иерусалимскому храму и связанных с этим канонических текстов, как непосредственно упомянутый в самом тексте Иеремия, т.е. Плач Иеремии, или Эйха в еврейской традиции. Апеллируя к траурному контексту Эйхи (5:18) («Оттого что опустела гора Сион, лисицы бродят по ней»), Дер Нистер призывает выживших не терять надежду: «...кто видел шакалов на развалинах нашей горы, тот еще увидит, как там будут строить». Под «нашей горой» он, конечно же, имеет в виду Храмовую гору в Иерусалиме – характерный для его творчества символ и залог существования еврейского народа. Словами «давай утешимся» он вводит аллюзию на известные слова другого пророка, Исаяи (40:1): «Утешайте, утешайте народ Мой...», которые читаются в синагогах в «субботу утешения» (*шабат нахаму*) сразу же после 9 Ава, дня траура по разрушенному Храму.

Исследуя творчество Дер Нистера, Дов Садан отмечал два «комплекса», вытекающие как из его «священнического» происхождения (настоящая фамилия писателя – Каганович – происходит от названия сословия еврейских священнослужителей-коэнов), так и из его восприятия общественной роли еврейского поэта [Sadan 1979a, 115]. Эти доминанты четко очерчены в новелле «Новый дух», написанной Дер Нистером в подмосковной Малаховке в 1920 г. Автобиографическому герою новеллы, поэту Пинхасу, сыну Менахема Коэна, заповедано последним первосвященником Второго Храма Исмаилом (Ишмаэлем) построить новую Скинию завета – не на небесах, а на земле, где уже давно отвыкли от Скинии и где для него уже приготовлено место, «твой камень» [Nister 1923, 13]. В этой связи появляется образ «лисенка на развалинах» (*khurve-fiksl*), явно родственной «шакалам на развалинах нашей горы» в очерке «Ненависть». Лисенок шныряет среди поросших травой остатков развалившегося дома и вдруг замирает, пораженный ярким светом из-под земли. И видит там лисенок белокаменный дворец с высоким потолком, «центральная часть которого подобна вздымающейся ввысь горе...» [Там же, 24].

«И как только он, Пинхас га-Коэн, – пишет Садан уже в другой статье, – вспомнит и напомним другим о лисицах на развалинах Храма, то тут же возникнет перед ним притча о рабби Акиве...» [Sadan 1979б, 126]. И так гласит эта притча из трактата Макот (24б):

Однажды поднялись (мудрецы) в Иерусалим. <...> Когда дошли они до Храмовой горы, увидели лисицу, выходящую из (развалин) Святая святых. Заплакали (мудрецы), а р. Акива засмеялся. Спросили его: почему ты смеешься? <...> Ответил им: смеюсь, ибо сказано «И взял я себе верных свидетелей: Урию, священника, и Захарию, сына Йевархии» (Исайя 8:1). <...> Об Урии сказано «Поэтому из-за вас как поле вспахан будет Сион, и Иерусалим руинами станет, и Храмовая гора – высотами лесистыми» (Миха 3:12). О Захарии сказано «Еще сидеть будут старики и старухи на площадях Иерусалима» (Захария 8:4). И пока не случилось пророчество Урии, я боялся, что не случится и пророчества Захарии. Теперь, когда случилось пророчество Урии, известно, что и пророчество Захарии произойдет.

Чтобы не было сомнения в этой аллюзии, Дер Нистер и обращается к Шлоймке: «Ты сам – утешение!» Теми же словами мудрецы зывали к рабби Акиве в конце приведенной выше притчи: «Акива – наше утешение, Акива – наше утешение».

В продолжение очерка, перечисляя поражения Германии, Дер Нистер начинает именно с египетской Александрии, намеренно фокусируя внимание читателя на ближневосточном регионе: там, под Эль-Аламейном, была разгромлена армия Роммеля, что закрыло врагу путь в Землю Израиля.

Далее Дер Нистер еще больше сужает фокус. «И будет в тот день», – цитирует он непосредственно на иврите, снова отсылая читателя к известному пророчеству Исайи (27:13), которое является частью праздничной молитвы на Рош-га-Шана:

И будет в тот день: вострубят в великий шофар, и придут пропавшие в земле Ассирийской и брошенные в землю Египетскую, и будут они поклоняться Господу на горе святой в Иерусалиме.

Очерк «Ненависть» заканчивается пророчеством Дер Нистера о восстановлении «народного здания», которое он сам называет «фантазией». Эта тема предполагает несколько вариантов прочтения – как в мессианском контексте еврейского возрождения, так и в общесоветском контексте восстановления разрушенной страны. Три года спустя Дер Нистер развил эту тему в двух других очерках – «Со вторым эшеломом» [Nister 1947a] и «С переселенцами в Биробиджан» [Nister 1947б], где он оригинальным образом изложил свой особый взгляд на еврейскую историю.

* * *

Летом 1947 г. Дер Нистер отправился в трехмесячное путешествие в Еврейскую автономную область. Он присоединился в Москве к тысяче переживших войну, оккупацию и эвакуацию евреев, ехавших в специальном переселенческом эшелоне «Винница – Биробиджан». Творческим результатом этой поездки стали путевые заметки, составившие два связанных между собой очерка.

Через весь текст этих заметок проходит диалог между рассказчиком-пессимистом, пребывающим в состоянии глубокой депрессии, и его более оптимистичным alter ego. «Снова скитания... Снова народ в пути... От Нила, через все воды мира, а сейчас аж до Амура...» – вздыхает рассказчик-пессимист. «Нет, это другое», – возражает ему оптимист в манере талмудической дискуссии (*нейн, с'из эйно дойме*):

Теперешнее переселение совершенно не похоже на все те, что были раньше... Сейчас происходит глубокий перелом в психологии еврейской массы в сторону реконструкции, то есть: заново восстановить ее разбитую целостность и положить конец тому историческому легкомыслию, которое постоянно оставляло ее висящей в воздухе, без почвы и так плохо укорененной, что любой порыв ветра мог сдуть ее с насиженных мест.

После нынешней Катастрофы пришло фундаментальное осмысление. В средневековье, на всех широтах и долготах нашей диаспоры подобные случаи только будили надежду на лжемессий, теперь же – стремление к реальному действию, теперь происходит пробуждение повсюду, во всех странах, где только есть еврейская жизнь... [Nister 1947a]

Нистеровский диалог пессимиста с оптимистом таит в себе старый наболевший вопрос: является ли постоянное скитальчество главной причиной еврейских бед? По мнению оптимиста, «знакового с книгой», именно этот вопрос требовал теперь, после Катастрофы, «фундаментального осмысления». Говоря об «историческом легкомыслии» еврейства (*geшихтлехер лайхтзин*), он перефразирует ницшеанскую *historische Krankheit*, «историческую болезнь», «атаковавшую [по выражению Ницше. – прим. авт.] пластическую силу жизни» [Nietzsche 1959, 361]. В своем раннем опусе «О пользе и вреде истории для жизни» Ницше выступил против истории как силы, предопределяющей на основе прошлого настоящее и будущее. В призыве нистеровского alter ego «положить конец историческому легкомыслию» отчетливо звучит подобного рода «контр-историзм» (ср. *counter-history* у Дэвида Биля [Biale 1979]). Такой контр-историзм присущ как ряду так называемых еврейских ницшеанцев, включая публициста и философа Миху-Йосефа Бердичевского [Krochmalnik 1997], так и Мартину Буберу (которого Дер Нистер весьма почитал), видевавшему в хасидизме

уникальный вид «культур-критики» [Urban 2008, 158–159], в противовес «нормативной» еврейской истории.

Именно «нормативная» череда гонений и страданий и есть нистеровское «историческое легкомыслие», разрушенное невиданной Катастрофой, которая предельно безжалостным образом создала условия для «реконструкции» и исправления «разбитой целостности». Такая философская подкладка выставляет повествование о путешествии вместе с еврейскими переселенцами по железной дороге через огромную страну символическим нарративом о преддверии нового начала. Прежний мир уничтожен, и переселенческий эшелон подобен «...своеобразному Ноеву ковчегу <...> после колоссальной мировой войны, которая не лучше потопа <...> Он тащит нас в те дали, где, возможно, нас ждет совершенно чудесное преобразование и обновление. <...> “Вперед к продолжению непрекращающегося существования нашего народа!”» [Nister 1947a].

Читателю довольно непросто уследить за тем, от чьего лица ведется повествование, и за тем, кто именно делает все эти заявления исторического плана. Дер Нистер-рассказчик постоянно меняется местами со своим alter ego, который внешне представлен полной противоположностью писателя. Он как бы вышел из вагонного окна, через которое писатель смотрит ночью на луну и, очевидно, на собственное отражение:

Жидкомолочного цвета луна в своей третьей четверти стоит у края горизонта, заглядывает, как сфинкс, ко мне в окно и хочет навести меня на интеллигентски-грустные размышления. <...> Выдумал ли я его, вот этого еврея... – я не знаю, но на протяжении всего моего долгого путешествия... он все время будет... рядом со мной [Nister 1947a].

Этот образ наводит на ассоциацию с загадочным «пыльным человеком» (*штойб-паршойн*) из нистеровской символистской притчи 1929 г. «Под забором» [Nister 1929]. «Пыльный человек» вышел прямо из стены, из некоей изнаночной реальности, и заставил рассказчика-ученого выступать в цирке на потеху публике. Вероятность того, что «еврей из окна» в путевых заметках – это очередной нистеровский *doppelgänger*, теневой двойник, вносит некоторую двусмысленность не только в текст, но и в реальное отношение автора к своему путешествию.

И все же для оптимизма есть основания, поскольку переселенческий эшелон полон «маленькими смелыми Давидами», которых «никогда не испугают никакие Голиафы, потому что за любую попытку опозорить их род <...> посягатели получат острейшим камнем прямо в лоб и упадут замертво, как филистимлянин Голиаф...» Главное же здесь то, что настоящее исправление истории – восстановление мифической целостности еврейского народа – может состояться только «в месте народно-творческого собрания и нового рождения» [Nister 1947b, 118]. Символом нового рождения служит

подробно описанная еврейская свадьба в эшелоне, которая, «сама того не ведая, послужила переселенческой публике – состоявшей по большей части из приговоренных к смерти лагерников – символом возрождения всего их рода, который уже стоял на краю гибели, под угрозой быть окончательно стертým с лица земли», а также тема еврейских детей-сирот, которых писатель называет «головешками, спасенными из большого пожара», как сказал о первосвященнике Йеошуа пророк Захария: «Ведь он головня, спасенная из огня» (Зах 3:2). Именно Захария пророчествует в притче о рабби Акиве о восстановлении Иерусалимского Храма.

* * *

В контексте последних лет жизни Дер Нистера Дов Садан саркастично отсылает тех, кто хотел бы спросить «Где же тогда было сердце Дер Нистера, и где был он всем сердцем?» к талмудическому принципу «божественной неисповедимости» [Sadan 1979б, 128]. Эту арамейскую фразу можно перевести как «зачем тебе лезть в горнило Всевышнего?» или более литературно: «что тебе до таинств Всевышнего?» Трактат «Брахот» (10а) приводит диалог пророка Исаяи и иудейского царя Езекии. Исаяя предостерегает царя и говорит, что тот скоро умрет и потеряет и этот, и будущий мир, поскольку не произвел потомства. В ответ Езекия объясняет, что решил не иметь детей, т.к. было ему видение, что его потомки сойдут с пути Торы. Пророк осуждает царя, говоря: «Что тебе до таинств Всевышнего? Делай, что заповедано тебе, а то, что желательно Пресвятому, Он сам свершит».

Садан не приемлет, конечно же, не сам вопрос о том, что же в самом деле думал Дер Нистер, а таящуюся в нем критику «советского выбора» Дер Нистера на фоне исторической победы сионистского движения – и в силу сложности личности писателя, и в силу трагичности как его судьбы, так и судьбы советско-еврейской культуры в целом. Вместе с тем в недавно дошедших до нас заметках Дер Нистера 1948 г. писатель уже совсем недвусмысленно излагает свое видение «национального здания». Это – «собственная почва», которая «является основой и базой для национальной особенности и национальных форм, которые <...> были <...> на протяжении времен наполовину или полностью отняты» [Nister 1948, 10]⁷.

Под «национальными формами, которые были отняты», Дер Нистер имел в виду, конечно же, еврейскую государственность как залог дальнейшего существования еврейского народа. Без нее народ, по его словам, как «душа без тела или как тело без души». Примечательно, что в этих заметках Дер Нистер не уделил ровно никакого внимания привычному для советских евреев дискурсу о важности культуры идиш. Культурный автономизм полностью уступил место однозначному территориализму. Будущее наро-

⁷ Фотокопию оригинала этих заметок см. [Kotlerman 2016, 243–256]. Автор этих строк благодарен Анне Сорокиной за помощь в работе с материалами РГАЛИ.

да писатель связывает с собственной «суверенной» территорией, где он будет «в состоянии образовать концентрированное большинство и где все данные ему силы и способности должны найти свое полноценное выражение».

Неожиданно прямолинейный стиль «территориалистского манифеста» Дер Нистера находит свое объяснение в другом тексте, который он использовал в качестве образца для подражания.

«Что такое нация?» – риторически вопрошает Сталин в своей известной статье 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос», многократно переиздававшейся как в СССР, так и за рубежом и ставшей идеологической основой советской национальной политики:

Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории... Итак, общность территории, как одна из характерных черт нации. Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое. <...> Итак, общность экономической жизни, экономическая связность, как одна из характерных особенностей нации. <...> Но и это не все. <...> Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. <...> Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации. Таким образом, мы исчерпали все признаки нации. Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры <...>.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией. <...> Можно представить людей с общим «национальным характером» и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации. <...> Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает вам нацию [Сталин 1946, 292–297].

Старательно не замечая сталинской оговорки об отсутствии единой еврейской нации, Дер Нистер обыгрывает риторику и терминологию Сталина, в особенности понятие «общность территории», для обоснования своего видения (советско-)еврейского народа в будущем в неразрывной связи с собственной территорией:

Нам, можно сказать, была преподана... лекция по народному праву, по человеческо-правовому кодексу, согласно которому равенство в общем и целом означает обеспечение прав индивидов как индивидов, тогда как претендовать на народные права могут только те, кто обладает всеми характеристиками и атрибутами, подтверждающими саму суть народа как народа, без которых – как душа без тела или как тело без души, и в обоих случаях все одно калека.

И далее: главное условие для того, чтобы народ мог считаться таковым, – это, прежде всего, почва, место, где данная общность должна быть в состоянии образовать концентрированное большинство и где все данные ей силы и способности должны найти свое полноценное выражение – суверенно, без помех, без остановок, без задержки чем-то или кем-то.

– Смотрите, – было сказано нам, – не пропустите возможность получить то, без чего вы ничто, как мякина пред ветром – собственную почву для собственной экономики, что является основой и базой для национальной особенности и национальных форм, которые, по вышеупомянутой причине, были у вас на протяжении времен наполовину или полностью отняты...

<...> Кроме всех прав индивидов как индивидов, мы добились того, что должно нас сделать не хуже других – при условии, однако, как уже говорилось, нашей доброй воли и способности приложить соответствующие усилия, требующиеся для осуществления народного дела, являющегося жизненно важным делом, которое должно стать нам благословением на будущие поколения [Nister 1948; Kotlerman 2016, 254–256].

Говоря формально о еврейской автономии на Дальнем Востоке, Дер Нистер совершенно однозначно заявляет о своем более широком понимании проблемы: будет у евреев собственная территория – будет и все остальное, включая другие необходимые, по Сталину, признаки «настоящей» нации: общая экономика и общая культура.

Этим наброскам не суждено было быть опубликованными. Провозглашение Государства Израиль в мае 1948 г. превратило призывы Дер Нистера к евреям «найти свое полноценное выражение» в Биробиджане в плохо завуалированную пропаганду идеи еврейской независимости.

Дер Нистер был арестован 19 февраля 1949 г. и полтора года спустя умер в лагерной больнице Минлага на станции Абезь в Коми АССР. Он так и не узнал о том, что за две недели до его ареста на стол Сталина лег отчет о состоянии еврейской литературы, где были упомянуты и его путевые записки о переселенческом эшелоне. Автор отчета, заведующий Агитпропом Дмитрий Шепилов, даже процитировал характерные, на его взгляд, «мысли сионистского характера» писателя: «Да будет снова построен Дом Израиля» [Шепилов 1949]. Дер Нистер, однако, всего лишь обыграл повторяемую религиозными евреями трижды в день молитву – «Да будет воля Твоя, Господь, Б-г наш и Б-г отцов наших, на то, чтобы был построен священный Дом

[Израиля] вскоре, в наши дни». Его идея фикс о национальном доме носила прежде всего концептуальный характер, как завершение эпохи «исторического легкомыслия» и начало еврейского возрождения.

Источники

- Видеоинтервью со Шломо Перельмутером – Проект документации переживших Холокост. Яд Вашем. № 3562306.
- Глидер 1946 – *Глидер М.* С киноаппаратом в тылу врага. М., 1946.
- Нистер 1943 – *Дер Нистер*. Дер Нистер Григорию Петникову, Ташкент – Мерке, Джамбульская область, 13/03/43 // ЦДАМЛМ – Центральный державний архів-музей літератури і мистецтва України, Киев, Украина. Ф. 440. Оп. 1. Д. 189.
- Сталин 1946 – *Сталин И.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290–367.
- Федоров 1981 – *Федоров А.Ф.* Последняя зима. М., 1981.
- Шепилов 1949 – Записка Шепилова Сталину о закрытии альманахов на еврейском языке от 3 февраля 1949 года // РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 118. Д. 305. Л. 21–22.
- Шолохов 1942 – *Шолохов М.* Наука ненависти // Правда. 22.06.1942.
- Эренбург 1942 – *Эренбург И.* О ненависти // Красная звезда. 05.05.1942.
- Nietzsche 1959 – *Nietzsche F.* Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben // Deutsche Geschichtsphilosophie von Lessing bis Jaspers / Hrsg. v. K. Rossmann. Bremen, 1959. S. 330–365.
- Nister 1923 – *Der Nister.* Nay-gayst (Новый дух) // Geyendik (На ходу [идиш]) / Ed. by Der Nister, L. Kvitko, M. Livshits. Berlin, 1923. P. 5–30.
- Nister 1929 – *Der Nister.* Unter a ployt (Под забором) // Gedakht (Видения [идиш]). Kiev, 1929. P. 272–312.
- Nister 1944 – *Der Nister.* Has (Ненависть [идиш]) // Eynikayt. 29.06.1944.
- Nister 1947a – *Der Nister.* Mitn tsveytn eshelon (bildlekh un ayndrukhn) (Со вторым эшелонем (картинки и впечатления) [идиш]) // Eynikayt. 30.08.1947.
- Nister 1947b – *Der Nister.* Mit ibervanderer keyn Birobidzhan (С переселенцами в Биробиджан [идиш]) // Heymland. 1947. № 1. P. 108–118.
- Nister 1948 – *Der Nister.* Birobidzhan // РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3121. Оп. 1. Д. 32.
- Perlmutter 1982 – *Perlmutter Sh.* Pirkey Moskva 1944–1946: miyomano shel partizan yehudi ts'ayir (Московские главы, 1944–1946: из дневника молодого еврейского партизана [иврит]) // Yalkut moreshet. 1982. № 33. P. 7–44.

Литература

- Кузнецова 2005 – Михаил Шолохов, *Летопись жизни и творчества* (материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М., 2005.
- Armstrong, DeWitt 1964 – *Armstrong J., DeWitt K. Organisation and Control of the Partisan Movement // Soviet Partisans in World War II / Ed. by J. Armstrong. Madison (Wis.), 1964. P. 73–140.*
- Belenki 1992 – *Belenki M. Der Nister (eynike shtrikh fun zayn kharakter un shafung) (Дер Нистер [штрихи к характеру и творчеству] [идиш]) // Yerusholaymer almanakh. 1992. № 22. P. 208–220.*
- Biale 1979 – *Biale D. Gershom Scholem: Kabbalah and Counter-History. Cambridge, Mass. 1979.*
- Kotlerman 2016 – *Kotlerman B. Broken Heart / Broken Wholeness: The Post-Holocaust Plea for Jewish Reconstruction of the Soviet Yiddish Writer Der Nister. Boston, 2016.*
- Krochmalnik 1997 – *Krochmalnik D. Neue Tafeln. Nietzsche und die jüdische Counter-History // Jüdischer Nietzscheanismus / Ed. by W. Stegmaier & D. Krochmalnik. Berlin, 1997. S. 53–81.*
- Sadan 1979a – *Sadan D. Pirhey no'ar (Цветы юности) // Orhot u-shvilim: sofrey yidish (Пути-дороги: идишские писатели [иврит]). Tel Aviv, 1979. P. 108–116.*
- Sadan 1979b – *Sadan D. 'Al kokhav hageula (Звезда избавления) // Orhot u-shvilim: sofrey yidish (Пути-дороги: идишские писатели [иврит]). Tel Aviv, 1979. P. 116–128.*
- Shmeruk 1980 – *Shmeruk H. Arb'a igrot shel Der Nister: letoldot sifro 'Di mishpokhe Mashber' vehadpasotav (Четыре письма Дер Нистера: к истории книги «Семья Машбер» и ее публикации [иврит]) // Behinot. 1980. № 8–9. P. 223–246.*
- Urban 2008 – *Urban M. Aesthetics of Renewal: Martin Buber's Early Representation of Hasidism as Kulturkritik. Chicago; London, 2008.*
- Wagner 2013 – *Wagner H. Rechte in der Rada. «Swoboda», Nationalismus und Kollaboration mit den Faschisten in der Ukraine und in Europa. Berlin, 2013.*

“Whoever Has Seen Jackals on the Ruins of Our Mountain Will Yet See How They Build There”: Der Nister on Jewish “Nation Building” after the Holocaust

Ber Kotlerman (Bar Ilan University, Ramat Gan, Israel)

Associated Professor at the Department of the Literature of the Jewish People,
Bar Ilan University

E-mail: Ber.Kotlerman@biu.ac.il

ID ORCID: 0000-0001-7007-9330

Abstract: The article examines Der Nister’s writings from the final years of his life in which he challenged the notion of Jewish homelessness. It begins with an analysis of the short essay “Hate”, published in the Jewish Anti-Fascist Committee’s newspaper, *Eynikayt*, in the summer of 1944. The essay was inspired by the author’s Moscow meeting with a Polish Jewish teenage partisan who had miraculously survived the massacre of the Jewish population of Volhynia. Moved by this tragic and passionate story, Der Nister constructed his narrative around the theme of Tisha B’Av, the traditional Jewish day of mourning for the destruction of the Jerusalem Temple. However, the essay also expresses hope for a national renaissance. Der Nister urged his readers to rise up from the ruins and play an active part in the reconstruction of Soviet Jews as a nation.

Keywords: Der Nister, Soviet Yiddish Literature, Holocaust, Jewish Anti-Fascist Committee, Temple of Jerusalem, Jewish Prophets, Birobidzhan, Territorialism, Zionism

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.4

References

- Armstrong J., DeWitt K. Organisation and Control of the Partisan Movement // Soviet Partisans in World War II / Ed. by J. Armstrong. Madison (Wis.), 1964. P. 73–140.
- Belenki M. Der Nister (eynike shtrikhn fun zayn kharakter un shafung) // Yerusholaymer almanakh. 1992. No. 22. P. 208–220.
- Biale D. Gershom Scholem: Kabbalah and Counter-History. Cambridge (Mass.), 1979.
- Kotlerman B. Broken Heart / Broken Wholeness: The Post-Holocaust Plea for Jewish Reconstruction of the Soviet Yiddish Writer Der Nister. Boston, 2016.

- Krochmalnik D. Neue Tafeln. Nietzsche und die jüdische Counter-History // Jüdischer Nietzscheanismus / Ed. by W. Stegmaier & D. Krochmalnik. Berlin, 1997. P. 53–81.
- Kuznetsova N.T. Mikhail Sholokhov, Letopis' zhizni i tvorchestva (materialy k biografii). Moscow, 2005.
- Sadan D. Pirhey no'ar // Orhot u-shvilim: sofrey yidish. Tel Aviv, 1979. P. 108–116.
- Sadan D. 'Al kokhav hageula // Orhot u-shvilim: sofrey yidish. Tel Aviv, 1979. P. 116–128.
- Shmeruk H. Arb'a igrot shel Der Nister: letoldot sifro 'Di mishpokhe Mashber' vehadpasotav // Behinot. 1980. No. 8–9. P. 223–246.
- Urban M. Aesthetics of Renewal: Martin Buber's Early Representation of Hasidism as Kulturkritik. Chicago; London, 2008.
- Wagner H. Rechte in der Rada. "Swoboda", Nationalismus und Kollaboration mit den Faschisten in der Ukraine und in Europa. Berlin, 2013.